

"La Russie Illustrée"
№ 30 (740) Парижъ
15 Іюля 1939 г.
Цѣна № во Франціи и
колоніяхъ - 4 фр.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

ОБЪЕМЪ
ЖУРНАЛА
УВЕЛИЧЕНЪ

35-лѣтіе КОНЧИНЫ ЧЕХОВА

АНТОНЪ ПАВЛОВИЧЪ
ЧЕХОВЪ

Съ иллюстраціей изъ
русской публичной некон-
ченнаго портрета работы
П. Свѣтла (1897 г.)

№ 30 (740)

17, r. de La Trémoille
PARIS (VIIIe)
Balzac 19-52

LA RUSSIE ILLUSTRÉE
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССІЯ

15 - VII - 1939

Цена отд. № фр. 4
Prix du numéro frs 4

Похороны Чехова 9 (23) июля 1904 г. Похоронная процессия на улицах Москвы.

1904 — ЧЕХОВЪ — 1939

Къ 35-ти лѣтію со дня его кончины

Тридцать пять лѣтъ! Полувѣковые старик (или почти старик) могъ видѣть Чехова только отроками.

А я, какъ сейчасъ, вижу его стройную, въ послѣдніе годы тонкую фигуру; удлинившійся овалъ лица, серьезные, хорошей серьезности, глаза, глядящіе изъ-подъ стѣснѣнныхъ вѣкъ; внимательно, добродушно часто съ глубоко сжатанными искорками смѣха.

Слышу его глухой басокъ, покашливанье, котораго онъ словно стѣснялся. — и все это: фигура, лицо, взглядъ, голосъ — сливается въ одно необыкновенно цѣльное, очаровательное, имъ чему простота, деликатность, скромность, граничащая съ застѣнчивостью, исключительное благородство, аристократизмъ въ издлинномъ, не германическомъ, значеніи этого слова.

✱

Нѣтъ писателя, у котораго не было бы множества враговъ: а комъ изъ нихъ, даже самымъ чистымъ, не услышишь пассивныхъ анекдотовъ? Чеховъ является едва ли не единственнымъ исключеніемъ.

Всѣ любилъ, всѣ читалъ, всѣ относились съ особенной, деликатной внимательностью, изумительными еи отъ него.

Впрочемъ, нѣтъ были обиженные, считавшіе, что Чеховъ «загорѣлъ». Это были его

друзья — пріятель изъ «Будильника», «Осколка», «Стекло», «Раздѣленія» — юмористическаго, съ позавѣсными экзотиками, издаваемаго въ Петербургѣ, гдѣ вышло много анекдотовъ и одинъ чудеснѣйшій, необъяснимый анекдотъ.

Онъ былъ съ ними неприменно хорошъ, но они не умѣли понять, почему онъ не неприменно съ ними, не свой братъ Исидоръ. Не видѣли, что нѣтъ больше Антоши Чехонда, милого паренка съ душообразнымъ лицомъ не подражающаго еще скрывающемуся въ немъ слону, не знавшаго, что онъ будетъ пѣки рожденъ. Лазаревъ — Грузинскій, Ежовъ, В. В. Виллибинъ, Гомолницкій, ни разу въ жизни не состригшій редакторъ «Будильника», чиникомъ живннмъ вѣдомства Левинскій — они видѣли Антоша Павловича Чехона, дружкой и простымъ знакомствомъ, съ которыми гордилось все, что было въ Россіи самого талантливаго, крупаго, лучшаго, все тѣмъ же Антошей.

А тѣ, большіе увелъ съ собою Чехона, и какъ искали знакомства съ нимъ?

✱

Такая же большая, какъ и онъ, такая же скромная и застѣнчивая, М. Н. Ермолова, рассказывала, какъ она искала этого знакомства и попросилась въ домъ, гдѣ будетъ А. П. Чеховъ.

Ихъ посадили рядомъ, и оба они просидѣли съ полчаса, не выпустивъ пару изъ рта; они — потому, что умѣла стыдливо смущаться передъ большими людьми, она — по той же самой причинѣ. Я такъ и вижу, какъ онъ сидѣлъ съ своей изумительной юншій д-Аркъ, слегка сутулясь, положивъ руки на колѣни, опустивъ голову. — его привычка была, когда онъ чувствовалъ на себѣ чье — нибудь подчеркнутое вниманіе. Потомъ, улизнулъ къ другой комнатѣ. Подѣлительная на сценѣ, провинциально-робкая въ жизни, Ермолова на этотъ разъ отпавилась на предпримчивость и тоже профилитровалась, черезъ поглотившую Чехона, дверь.

Тамъ были только мужчины, и едва войдя, Марія Николаевна услышала такую, не для курничихъ, фразу изъ рассказываемаго Чеховымъ анекдота, что, говоря ея словами, горошкомъ выкатилась снова въ залъ.

Тѣмъ ихъ знакомство, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ и окончилось.

А Чеховъ могъ иногда рассказать вещь: ма «серьезный» анекдотъ, потому что, будучи чистымъ, вовсе не былъ чистосердеченъ и въ этомъ отношеніи походилъ на множество крупнѣйшихъ русскихъ писателей, вовсе не боявшихся подчасъ крикнуть и выразительнаго русского слова. Такими были и Луи

Чеховъ о Пушкинской преміи

[illegible]

Получил еще не оформившись. Внесу его полевую
списку болотца, представляющие собой, как говорят, «болотца».

Срп. 1.

[illegible]

You photograph a representative number of *Cybo*
in ~~the~~ ^{the} ~~field~~ ^{field}.
Many *badams* *per* *ce'* *ra* *100* *pp.* *per*
represent *unt.* *lax* *and* *Sydenhaph*.

X Кюмелъ 1 р. 5 копр. Крѣ заварочес аргундъ
" Обществу драмат. и сармат.

Стр. 2.

[illegible]

12. Pagberien noeluenet sungeyngyruke bpa.
 Kje mo nareapad epuep. "Prendeny iguten"
 idyapad, iga a nyaband benepunapad bpa
 roed, dome nuxoga se uet a roed uerunt al
 noga.

Вѣрнее будетъ всемъ съединенъ въ коммуну
и въ этотъ случай не выйдутъ. Небось у насъ
не выйдетъ на Бѣлугу Канженица. Бѣлуга же
опа у меня. Осталъ нѣсколько и коммунъ помногу.
Выйдутъ друге. Могутъ выесть. Ахъ
и! Аппетитъ выйдутъ за языкъ. Тамъ еще?
Осталъ на хвостѣ и бѣлуга, ходъ хвостомъ..
Тамъ вода.

Turekpaşa.
 Turekpaşa, "Turekpaşa" - a
 nie ma wsi, no Turekpaşa.
 Turekpaşa! Turekpaşa! Turekpaşa.

Стр. 3.

To Tropaeum?

Второе, напечатанное, имеет еще суждения в
предисловии "Русского Товарища" Визюны в наказы,
нашим "редактор" "Русского Товарища" и, если бы
редакция была, еще в газету "Визюны"
за, что на безвозмездно, и пошел в расход
напечатать преданье Визюны. Редакция
не похитила алмаза.

Поругание как исомини' не поругает. Мы будем
вознаграждать отменно: тебе заплачу за то
и 'диогени' браться и орудия "быд де з' иро
брод Алексис, крив' исполнил во поругание,
и зад не мало снесаеубован фактис ~~и~~
унаис" Дуа мисо диогени не адезубис
фурт, крив збид, но по надмен А. В. Те
мел, сук биде не мидево дорабисе, збид
збид. Искренен.

Машинного метода? И машин. Давать!
Или упрям. Им совершенно безразлично к Пушк. или к
машин. И к машин. И к Пушк. И к машин. И к машин.
И к машин. И к Пушк. И к машин. И к машин.

Стр. 4.

Факсимиле писъма А. П. Чехова къ его брату Александру Павловичу.

(Оригинал составляет собственность редакции «Иллюстрированной России»)

Воспроизводимое нами здесь письмо А. П. Чехова (оригинал этого письма является собственностью редакции нашего журнала), помимо своего литературно-исторического интереса, представляя собой типичный образец чеховского эпистолярного мастерства: — как известно, в нем Чехов не подражает своей простотой, очаровательным юмором, неожиданными эпитетами и оборотами. Письмо написано в те годы, когда шли разговоры о присуждении А. П. Чехову Пушкинской премии, т. е. в 1898 году, и изъ нескольких замечаний

ний Чехова видно, какъ застѣнчиво и съ какимъ, тщательно скрываемымъ, волнениемъ онъ переживаетъ эти слухи. Чрезвычайно характерна для Чехова его шутка по поводу имени брата: —— соль ее заключается въ томъ, что брата, подписывавшагося обыкновенно «Ал. Чеховъ», звали, именно, не Алексѣй, а Александръ. Нѣсколько закрытыхъ редакціей строкъ письма, носить слишкомъ интимный характеръ, и редакция не сочла возможнымъ ихъ воспроизводить.

книж, и оба старухи Толстых (молодого упоминали не хочется) и Щедрины, и Некрасов, из бывших близких — Бунин, Куркин, и множество других.

Выразительное русское слово не показывать.

Зато близкие они — и Чеховы в особенности — «авансированного маршала», громкий фразы поднимали себя на цыпочки.

Прекрасно рассказывает Мерещковский в статье о Чехове, как молодой, он доказывал молодому Чехову о необходимости «погребальных» изобретений, из-за сестрички замученного ребенка. Мерещковский вопиал и мелодраматизировал в душе своей, а Чехов смотрел на него холодно, немилосердно докторскими глазами и отбрасывал.

— А, кстати: когда будете в Москве, зайдите к Тютюму и закажите геляку — непременно говорить: да не забудете, что к ней близкая воля пухлая.

Тогда Мерещковский обиделся и отнес это, как и Михайловский, к «кошачьим» обиходным идиомам, а потом писал:

— Надо было столько набраться связей с людьми, сколько мы набрались, чтобы обидеть стольное чеховское молчание и счастливо.

(Цитирую все это по памяти, но уверяю, что почти дословно).

Зато с каким благоговием относился он к непонятному старцу. Не раздался его вброс, имела свои взгляды на жизнь, на культуру, на добро и зло, на искусство и общественную деятельность, но зато, что здесь не громкий слог, а великая душа, и писал к Толстому длинную, похвально-похвально-преданную, и Толстой, несмотря на чеховское высокомерие и инаковывание, трогательно, может быть, как никто, любил Чехова.

Рассказывал Чехов о том времени, когда в Крыму, в Писире, в дачной гостинице Натальи лежал тяжело больной Лев Николаевич. Вся Россия тогда напряженно следила за его болезнью, а о Чехове и говорить нечего; а ведь, он писал, что странно даже подумать, что будет с Россией, когда не станет Толстой: он один сдерживает общественную совесть.

Сидит Чехов однажды вечером у постели великого старца, и вдруг тот, слабой рукой, помянул его, заставил приблизиться почти вплотную к лицу, громко прошептал Толстому было тяжело. Чехов наклонился к гробу; ему казалось, что Толстой должен сказать что-то необыкновенно важное, значительное до последней степени.

И Толстой, ласково смотря ему в лицо, произнес слабым голосом:

— Шекспир писал плохие пьесы, а вы еще хуже шекспировских.

И едва удержался, чтобы не расхохотаться.

Быть я с женой в гостях у артиста Большого театра А. М. Успенского. Среди его гостей была пожилая дама, стриженная с пырками, энергичным жестом, громким голосом, возмущенной речью, эффектной позой. Я никогда не встречал ее раньше, но кто-то мне она мучительно напоминала. И вдруг жена спросила меня:

— Почему эта дама мне так знакома?

Мое изумление! Я обратился к хозяйке.

— Разве вы не знаете? Это — чеховская Поппрунг.

Там, кто не помнит, надо перечитать эту, из лучших, лучшую, повесть. До

речь поре и знать, что такое строгий рисунок у художника жителя; тогда я узнаю, что такое непогрешимость линий у художника пера. Это была она, немилосердно худощавая, немилосердно актриса, немилосердно прагматичная, немилосердно очень талантливая женщина, прямо сходящаяся с чеховскими страстями. А когда я пришел к ней странную квартиру, впечатлительные были податливые. Чехов, из своей посылки заставил умереть ее мужа, доктор. Ее муж был тоже доктором, но в то время, как поминался «Поппрунг», жил и здравствовал. Фабула Чехова, конечно, создать сама, действующая лица были уже живые артисты — знаменитый А. П. Ленский, а художник, любовник «Поппрунга» — И. А. Мейнган.

София Петровна Кузнецовича действенно, жила с ним, осталась, разумеется, только номинально женой своего мужа, но все же жила с ним, и Чехов был своим человеком, произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Чехов боялся в дом Кузнецовых не появлялся, а Ленинта Кузнецовых своего друга на дуэль. Только через много лет, после смерти мужа, Поппрунг с Чеховым помирился. Рассказывая мне эту историю, которую я слышал и от Ленского, и от многих других, София Петровна вполне оправдывала:

— Меня он описал совершенно правдиво, а содержание повесть было почти все сжигено.

И тоже думаю, что Чехов знал, был не за что.

Последние годы складывались о болезни Чехова становились все тревожнее и тревожнее: «в Москву, в Москву» поторопились ему ехать было все реже и всегда во вред себе, но последнюю зиму разрылись проехать под Москву; это говорило не об улучшении, а о безнадежности.

И вот — 17 января 1904 года, первое представление «Вишневого сада», не точное припомню юбилей, но, несомненно, последнее прощание с любимейшим, прощаемым к сердцу писателем.

За театральными окнами театральные цветы вишневых деревьев: колдовством тогдашнего, подлинного Художественного театра, они были так живы, трогательны, как сам Чехов. «Красивая жизнь». И, конечно, последние акты послышались ударами молота, глухие, трагические, похоронные, а меньше, чем в погоне с таким же стуком, будто вколачиваться в багетный гвоздь в крышку чеховского гроба.

Но пока стоит, еще, ослепительная яркость дерева, а на зенит, перед последним, кажется, актом, стоит Чехов, которого чувствуешь, с которым прощаются. Безоценная дежурная, беззастенчивая речка, алтарь, подпоения. Он стоит серьезный, строгий, кажущийся излечением худобы, еще им же, худой, а на сцене все ярче становится красная пана. Стоит, словно приговор слушать.

Он был вразом всякой помпы и академизма, пометил на честности, как яд тяжелый дождь.

— «Пускай, чтобы в России цвели писатели!»

Это его обобщенные слова.

Но и тут жеман не покрывает его, и в ужасном, после спектакля, он говорил, что, когда слышал множество раз по-разному: «счастливый, многоуважаемый А.

Павлович» ему казалось, что это Гусев, из его же «Вишневого сада» прощание.

— «Дорогой, многоуважаемый паф!»
А когда милый, экспансивный сибирский общественный деятель, И. И. Зайцев, размахивая руками, изывал к нему: «Мы вас! Мы вас! (любимый, уважаемый и т. д.), ему казалось, что он сейчас пойдет драгаться. «Мы вас! Мы вас!.. Вот-вот заколотить».

Повесть — странная, испугавшая асфальт, трагедия о смерти. Амфитеатры инеля, его ему хотелось выдохнуть на улицу и кричать. Чехов умер.

Вагон с извозом: «для устриц» поехал к московскому вокзалу. И стоял, как ассистент Художественного театра, в Камергерском переулке, вместе с артистами и приглашенными друзьями. Катафалк остановился перед его, Чеховским театром. Весь переулочек и далеко Тверская были полны народом. Служили тихо тысячи голосов, вливая память, для него, действенно, вброску.

Собака и собака из меня стояли два товарища Чехова: вместе когда-то пели в хор. Теперь оба они, с огромной грустью, вливали свои басы в общий хор.

Это были Максим Горький и Ф. И. Ильич.

Сергей Яблоновский.